

Г. Н. Мелехова

Православные часовни Русского Севера в XX веке* (по полевым материалам Каргополья и Кенозерья 2000-х гг.)

Статья посвящена рассмотрению религиозных традиций и обычаев, сформировавшихся во-круг часовен. Конечно, они не могут воссоздать всю полноту приходской литургической и общественной жизни, но стремятся к ее наибольшему охвату. Неформальная община, чья деятельность сосредоточена вокруг часовни, условно названа часовенным приходом, хотя формально такой организационной единицы ныне не существует.

В рассмотрении не включены монастырские часовни. Также не рассматриваются приходские храмовые традиции и обычаи, связанные с установкой и почитанием крестов; эти отдельные обширные и интересные темы предполагается исследовать в отдельных статьях.

Нужно отметить, что, как указано в подзаголовке, статья написана по материалам только последних лет полевой экспедиционной работы автора; материалы прежних лет, уже нашедшие хотя бы частичное отражение в предшествующих публикациях, не привлекаются в качестве иллюстративных, но, конечно, участвуют в формировании выводов.

* * *

Часовни были издавна распространены на Руси, особенно на Русском Севере, в силу его природно-географической и историко-культурной специфики¹. Когда-то они являлись центрами так

называемых «часовенных приходов» — религиозных общин, возникших по почину крестьян, сохранявшихся их собственным иждивением и обладавших довольно широкой автономностью церковно-общественной жизни. Распространению часовен способствовал тот факт, что в древности создание часовни, в отличие от храма, не требовало разрешения епархиального начальства. В XV—XVII вв. часовни отмечали развитие христианства вширь и вглубь².

Но в XVIII в., веке централизации церковной жизни, с часовенными приходами велась серьезная борьба, усугублявшаяся тем, что порой часовни становились оплотами старообрядчества. При этом имущество часовен, включая их денежные средства и земельную собственность, передавалось в распоряжение приходского клира, и запрещалось не только строительство новых часовен, но и ремонт уже имеющихся, чтобы довести их до ветхости, при которой упразднение становилось неизбежным. Однако целый век этой жесткой политики не смог превозмочь любви крестьян к часовням: они продолжали существовать «во множестве»; ветшали те из них, которые стояли на виду у начальства (на больших дорогах); те же, что располагались в глухих, удаленных от надзора местах, находились «в самом лучшем устройстве». Это зафиксировал епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (Семенов) при обозрении епархии в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-18015е.

¹ Юшков С. В. Очерки истории приходской жизни на Севере России XV — XVII вв. СПб., 1913; Яницкий Н. Севернорусская часовня в конце XVII в. (По переписи часовен 1692 г.). // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 131—134; Никольский К. О часовнях. // Церковные ведомости. 1889. № 10. С. 256—257; Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII — XIX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 148—164; Ведерникова Н. М. Фольклор как средство описания культурного ландшафта. // Культурный ландшафт (в печати).

² Камкин А. В. Православная Церковь на Севере России. Вологда, 1992. С. 27—29.

1830 г.³ И хотя к концу XVIII в. часовенный приход как элемент приходской структуры перестал существовать, часовни продолжали играть важную роль в деревенской жизни, и даже процесс строительства новых часовен не прервался⁴.

В XIX в. отношение к часовням становится более терпимым, но их негативная в целом оценка сохраняется, поскольку постановления предыдущего столетия не были отменены. В это время отношение к часовням приобретает двойственный

характер. По-видимому, этим объясняется тот факт, что часть существовавших и действовавших часовен (зафиксированных в публикациях) не указывалась в церковных ведомостях того времени⁵. Лишь в середине XIX столетия отношение Церкви к часовням полностью нормализуется, что отразила статистика: с 1860-х гг. и, по крайней мере, до 1917 г. их число (по церковным ведомостям) неуклонно растет⁶, что свидетельствует об их насущной необходимости и значимости для крестьян. В это время часовни были, по определению А. В. Камкина, «периферийными внутриприходскими центрами православного благочестия и обрядности»⁷; они существовали наряду с церквями, при определяющей роли последних.

В 1-й трети XX в. чуть не каждая северная деревня имела свою часовню. «У нас тут 7 деревней, 7 часовенок», — рассказывают в Лядинах, и это

Вид на Никольскую часовню в с. Вершинино Плесецкого р-на Архангельской обл.
Часовня на высоком подклете с притвором и встроенной звонницей. Фото автора, 2002 г.

при том, что поныне Лядины украшает церковный комплекс — тройник (летняя и зимняя церкви и колокольня). Построенные по инициативе и на средства крестьян и содержащиеся целиком на их пожертвования, часовни являлись проявлением религиозных чувств и потребностей населения. «Я родилась, так в деревне Халуй, дак я далеко была от этой церкви. У нас там тоже была часовня —

характер. По-видимому, этим объясняется тот факт, что часть существовавших и действовавших часовен (зафиксированных в публикациях) не указывалась в церковных ведомостях того времени⁵. Лишь в середине XIX столетия отношение Церкви к часовням полностью нормализуется, что отразила статистика: с 1860-х гг. и, по крайней мере, до 1917 г. их число (по церковным ведомостям) неуклонно растет⁶, что свидетельствует об их насущной необходимости и значимости для крестьян. В это время часовни были, по определению А. В. Камкина, «периферийными внутриприходскими центрами православного благочестия и обрядности»⁷; они существовали наряду с церквями, при определяющей роли последних.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 111. Д. 840. Доношение еп. Игнатия о существующих по Олонецкой епархии во множестве часовнях. 1830 г. Л. 1 об.

⁴ Государственный архив республики Карелия (ГАРК). Ф. 25. Оп. 16/1. Д. 14/15. О построении часовен крестьянами в Кенозерском приходе. 1805 г. Дело указано сотрудником Кенозерского национального парка Синеговским С. А.

⁵ Мелехова Г. Н. Православные традиции в Каргополье в XIX — первой трети XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997. С. 45—50.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1993. С. 148.

дак тоже служба. Была колокольня, и звон был», — вспоминает председатель церковной общины с. Ошевенского О.С. Третьякова (1926 г.р. *).

По терминологии, введенной в научный оборот А. В. Камкиным, часовни были узлами так называемой большой зоны сакральной топографии прихода, образованной сооружениями, располагавшимися в отдаленных от храма деревнях, в поле, у озера, у родника, на лесной опушке, на пересечении дорог. А. В. Камкин выделяет 3 группы причин возведения часовен⁸:

1) потребности крестьян в частом совершении молебнов и треб;

2) благодарение Богу за избавление от всеобщей беды (падежа скота, неурожая, эпидемий, стихийных бедствий);

3) память о важных местных событиях — на месте обветшавшей или сгоревшей церкви, явления иконы и пр.

Кроме возведенных по этим причинам часовен, епископ Игнатий (1830 г.) указывал еще 2 группы:

1) на местах погребений умерших;

2) из-за стремления «каждому значительному дому или нескольким вместе устроить вблизи к себе какой-либо памятник набожности и назидательной украшением в соревновании с другими»⁹.

Все эти причины, в т.ч. желание иметь поблизости «памятник набожности», прослеживаются и ныне, что послужило поводом для создания данной работы и раскрывается ниже. С точки зрения генезиса часовенных приходов важно другое: в наше время, когда число действующих на Севере церквей остается чрезвычайно малым (несколько единиц на район, что в десятки раз — более чем на порядок — меньше, чем до 1917 г.), часовни не только вновь воплощают в себе массовые религиозные устремления жителей, но и во многих местах, как встарь, по необходимости, заменяют храмы. Наблюдения фиксируют тенденцию расширения функций часовен и повышения их роли. Среди часовенных функций выделяются:

1) пространственно-религиозная функция — освящение и организация пространства;

2) богослужебная функция — совершение священниками богослужений и мирянами разрешенных служб и молитвословий (чтение часов, канонов, акафистов, Псалтири и др.) в часовне и вокруг нее;

3) молитвенно-обетная функция — частная молитва, поминание родителей, исполнение обетов;

4) празднично-общественная функция — празднование дней часовенных святых;

5) окормительно-наставническая функция — наставление, просвещение и поддержка прихожан, передача знаний, обычаев, навыков, веры;

6) организационно-хозяйственная функция — покупка свечей, уборка в часовне, ее ремонт, регистрация общины.

Все эти функции были присущи часовням всегда, но в XX веке, в связи с закрытием храмов, происходит расширение и перераспределение значимости отдельных функций.

1. Освящение и организация пространства

Пространственно-религиозная функция часовен связана с их местоположением, по которому их можно разделить на придеревенские, размещенные в непосредственной близости от деревни (при входе, на границе между деревнями, в центре селения) и придорожные (в некотором удалении от селения, на перекрестке дорог). Оба принципа размещения отражают стремление жителей освятить места жизни и хозяйствования. Среди обширных северных лесов, полей, озер и болот часовни свидетельствуют об освоенности территории и являются неперменной и весьма обычной приметой культурного ландшафта.

Видимо, часовни «тянулись» к жилью, хотя бы из практических соображений (недалеко ходить), поэтому придеревенские часовни гораздо более распространены. Интересно, что некоторые часовни, поражающие ныне своим выдающимся, господствующим над селением местоположением, возникли в ином, более интимном культурно-историческом ландшафте. Так, Никольская часовня в с. Вершинино, буквально парящая ныне высоко над домами и огородами, когда-то находилась в центре селения: как сообщают, уровень воды в озере был гораздо выше, и Н. Н. Быкова (1938 г.р.) «от мамы слыхала, что на вершине выпихивали завальницы» (первые венцы домов), т.е. там стояли дома. Это еще более вероятно, если

*Для всех информаторов при первом упоминании указывается год рождения и место получения информации, если оно не совпадает с селением, о котором идет речь в тексте.

⁸ Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества... С. 148—149.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 840. Л. 2—3.

принять во внимание название селения — Вершинино. На наш взгляд, отделенность и, так сказать, неотмирность более присущи местоположению церквей; часовни в буквальном смысле ближе к людям. В то же время существовала некоторая особенность местоположения часовни, выделяющая ее как нерядовое, незаурядное сооружение. Поэтому часовни, которые, по нынешнему восприятию, расположены в центре селения (как часовня в д. Косицыно), чаще всего прежде отмечали границы ныне слившихся деревень.

Осознается и необходимость свободного, незаполненного пространства вокруг часовни. Часовня свт. Николая в пос. Усть-Поча, зажатая сегодня

да сарай, да дровяник, да кладовки — отхватил землю до самой часовни. Но там живет хозяин-инвалид — сколько проживет, Бог знает». Еще одни хозяева устроили загон для скота чуть не вплотную к часовне.

Назначение вынесенных далеко за пределы селения придорожных часовен, видимо, сродни памятным и обетным крестам, отмечающим и освящающим лесные и дорожные перекрестки, выходы к озерам, рекам и ручьям, некоторые местные происшествия и события.

Организуя пространство, часовни осознаются не столько как архитектурные сооружения (каковыми чаще видят их исследователи и посторонние),

Часовня прп. Макария в д. Першлахта Плесецкого р-на Архангельской обл. Фото автора, 2002 г.

между домами и хозяйственными постройками, по предположению В. И. Окуловой (1931 г.р.), стояла в лиственничной роще, от которой осталось одно дерево: «Было несколько лиственниц. Она на горе на высокой часовня, и подмыло лиственницы — то, и их унесло. Но, знаете, это — по всей вероятности, я — то так своим умом думаю, что эта часовня вот здешняя была в лиственничной роще. А у нас тут теперь лиственниц почти нет» (т.е. часовня старинная). Ненормальность сегодняшней «зажатости» часовни (и захламленности ее территории, в частности, мусорной кучей прямо перед самой часовней, у выхода ее к озеру) понимается многими, хотя пока, в силу советского наследия, это сложно исправить. И. А. Калитин (1923 г.р., д. Мыза) рассуждает: «Дом,

сколько как религиозно-духовные, сакральные центры, места, посвященные определенным святым. Особенностью часовенного прихода является его неуниверсальный, так сказать, монистический характер: он связан не со всеми святыми и праздниками, как храм, а лишь с тем, которому посвящен. И хотя в часовне может быть немало икон, в том числе других святых, даже небольшие иконостасы, все-таки прежде всего она связывается с главной своей иконой. Конечно, со стремлением расширить состав святых покровителей связан нередкий факт наличия у часовни нескольких (двух, редко — трех) посвящений и праздников. «У нас почти в каждой деревне было два праздника, только на Глушцево один», — замечает И. Ф. Вахромеев (1920 г.р., д. Карпово). В этом случае обычно перечисляются оба

посвящения: часовня пророка Ильи и святителя Николая. При этом для народного сознания свойственно удивительное отождествление постройки и святого, которому она посвящена, откуда происходит необычайная любовь и теплота отношения к сооружению, олицетворяющему самого святого, как бы являющемуся его иконой. «Егорий Храбрый загорается», — рассказывает о пожаре часовни одна жительница; «Макарий Преподобный, никто к тебе не пришел», — извиняется другая, открывая часовню на следующий день после дня прп. Макария.

Икона преподобного Макария Унженского с житием, конец XVIII—XIX вв. Артель И. И. Богданова-Карбатовского. Архангельский музей изобразительных искусств.

Вблизи часовен необходимо соблюдение определенных норм, в т.ч. правил поведения: нельзя ругаться, занимать часовенную землю, рубить деревья в ближайшем окружении, надо перекреститься на часовенный крест и т.д. Не допускается ходить в часовню во второй половине дня, вечером; на подобное предложение так и отвечают: «Не пойду Господа Бога гневить»; «Вечером у нас не ходят в часовню». В контексте нарушения староотеческих, должных быть незыблемыми законов, предстает и рассказ Т. Г. Гусевой (1933 г.р., пос. Усть-Поча): «Когда часовню разворочали, повезли на конюшник, хомуты сушить. Там вышли 3 монеты, четвертой не было. Вот сказали: четверту монету не положили, часовня стоять на этом месте не будет». Действительно, реальное, физическое разрушение религиозных объектов явилось следствием разрушительных духовных процессов.

Важность, которая и сегодня придается вопросу о месте часовни, — еще одно свидетельство ее религиозно-духовного осмысления. Вот супруги И. А. и М. А. Калитины (оба — 1923 г.р.) рассуждают по поводу возобновления часовни в д. Мыза рядом с исконным местом:

— Она стояла вот в роще. Сейчас строят, но не на том месте, где она была.

— Да там ельникаросло дак.

— Ельник раскорчевать можно. Я бы своим мнением, дак уж раз задумал ставить, я бы поставил только на старом месте. И Бог бы не убил, ежели свалили две вот таких елочки.

В этом диалоге явственно осознание святости подлинного места часовни и выросших на нем деревьев. О неиссякающей святости часовенного места свидетельствует и рассказ П. Н. Ножкиной (1923 г.р., с. Вершинино) об одной из женщин, ходящей по обету (по-местному, обет — «завет») на место сгоревшей, уж лет 40 назад, часовни Тихвинской иконы Богоматери у д. Горы и оставляющей там деньги, как было принято оставлять в часовне на свечи: «А там есть овраг такой, он такой протянутый. Так она все туды деньги бросат — завет такой у ней, говорила. Я ска: «Ты чё туды каждый праздник ходишь?» — «У меня завет такой, дак я вот денежку брошу туды». Она искони веку така».

О сакральности территории вокруг часовен свидетельствуют рассказы об их создании, возобновлении и разрушении. Как уже говорилось, многие из них сооружались по обету, в память преодоления с помощью Божией какого-то несчастья. Известия об обетном характере часовни св. Параскевы в д. Тырышкино передает Л. В. Сидорова (1957 г.р.): «Парасковия — праздник скотины, завет такой был дан: что вот именно Парасковию будем праздновать только постную, только постную. Это для скотинки праздник. Если, допустим, я намазала сливочным маслом что-то или молоко применила в пироги, обязательно случилось, что скотина или заболит, или, может, змея укусит, или захромает — что-то делалось. Это было строго, такой завет был положен людьми, старыми еще людьми, что этот праздник только постный, Парасковия». Людмила Васильевна, дочь старейшей жительницы Кенозерья Е. М. Мелеховой (1915—2003, д. Тырышкино), о причинах наименования часовен рассказывает так: «Пускали иконы по воде. В какую деревню какая икона приплыла — вот приплыла в эту деревню Парасковия, значит, в этой деревне ставили Парасковию часовенку. Приплыла Ивана Богослова в деревню икона — поставили Ивану Богослову. К Спицыну Макария приплыла икона — поставили Макарию. Вот почему».

Чаще вспоминают о поздних, поставленных или возобновлявшихся не так давно часовнях. Часовня—крест Успения Божией Матери (по-местному, «Успенъё») в д. Тырышкино, по сведениям многих, поставлена лет 30 назад по завету приезжим ленинградцем в память жены Надежды Тимофеевны Филипповой (родившейся и умершей здесь), которую он очень любил, но не успел на ее похороны.

Часовня-крест во имя Успения Божией Матери при д. Тырышкино Плесецкого р-на Архангельской обл. Крохотная часовенка на одного человека. Внутри — лишь деревянный крест. Фото автора, 2002 г.

Многочисленны рассказы о разрушении часовен; они почти всегда представляют разрушение как богохульство и наказание святотатца. Интересен рассказ И. А. Калитина: «Был председатель колхоза — Микита с Миколой. А его звали Никита Алексеич, а он переписался на Николу, от так по-деревне у нас зовут Микита с Миколой. И вот он задумал эту часовню перевезти к ферме. А она была тут за болотом, ферма, там коровы стояли, у болота. Посылат мужиков, стариков ворочать, те не идут ворочать. Говорят: мы не строили, и ворочать не будем. Вот так. Число подошло, он эту ча-

совню разобрал ночью сам. Вот. Ну, раз разобрал, так надо собрать. Тут народ собрал, старики собирали, к ферме поставили. Она стояла и, дай Бог, каким путем она загорелась, эта ферма? И сгорела часовенка, и сгорело 10 колхозных телят. А этого Микиту с Миколой в 39 г. как коммуниста взяли на финскую кампанию, и его Бог наказал, он и не пришел оттуда». Примечательно, что здесь в одном ряду стоят отказ от своего имени и отказ от отеческого, стародавнего обычая. Недаром в рассказе дважды упоминаются «старики», которые, конечно, не «ворочали» и не собирали часовню — на это есть «мужики», — старики воплощают мирской авторитет и традицию.

Поныне кается О.С. Третьякова, что не сумела спасти две иконы, которые она в молодости, в пору разрушения церквей, выловила из реки и оставила обсохнуть на берегу; пока она бегала домой, их утащил ее сосед — он распилил их на доски и топил ими печь: «Я вижу, что доска—то строганая, и тут крашена голубым, дак вид(но). Я и говорю: дядя Миша, ты зачем, говорю, икону—то перпилил, посмотри—от? «Ой, таки хороши дровцы—те, сухие, ты посмотри, как хорошо топятся—то». Через 2 недели поехал на своей лошадке, его парализовало, и мертвый домой приехал». О председателе, разрушавшем часовню в ее родной деревне, Ольга Степановна рассказывает: «Жить—то жил, ну, да хорошего ничего не было. Вот, помню, старая (он был два раза женатый), старая жена говорит: придешь — зимовка—то, она небольшая была, а с осени рано темнеет—то, — вот только, говорит, сумерки начнутся, что темнеть, по потолку и пойдет: и ходит, и ходит, и туда, и сюда, и туда, и сюда, ходит и ходит. Ну, чё? — знаем, что, говорит, а чё сделать—то? Как только лето, весна, коров на пастбище выгоняют — коровы нет, падала. А потом самому ногу вот так отняли».

По приблизительным оценкам, даже в Кенозерье, где часовни еще с советских времен стали объектами реставрационных работ, сохранилось не более половины бывших когда-то часовен. Те из них, которые избежали разрушения и не использовались как складские помещения, как правило, находились под присмотром: кто-нибудь закрывал их, хранил ключи, отпирал в праздники. Нынешняя хранительница часовни в с. Вершинино П. Н. Ножкина — потомственный хранитель, ее отец Николай Филиппович Ножкин тоже «смотрел за часовней» в д. Мамоново: «Он тут открывал да ходил в праздники, да звонил — да тоже колокол был, да. А потом стали в колхозы прижимать, да он все равно не отдал, а колокол увезли. В Ряпусово, там была больша—а деревня. Да на работу звонили, колокол был там. Дак как в Ряпусове — колокол—от на вы-

соком месте — как зазвонит, а тихо, слышно: а-а-а, подляки, говорит, гли-ко, колокол куды повешен. Ругался все. А потом, што. Шло-шло время, да и часовню увезли?*. Поплакал он за свое горе. Всё бросили**, у низину все бросили, а чё пу-тево — увезли. Он заставил <нас>: подьте, вы ройте яму-то <чтобы закопать>. Ну, и старо было, все тлето, все сотлело. А которы <заветы> хороши, увезли — полотенцев много было, да мануфактуры много было по заветам. Кресты увезли, вот эти были — зажигали свечи-то по заветам, висели у нас от стены до стены. Таки были круглы, а тут свечки ставили — 5-рублевы, 3-рублевы, 2-рублевы и до рублевых, кто какой завет. Все это увезёно. Вот только вот эту пелену я удержала, она была брошена, была выброшена, а я ее прибрала. От <часовни> Ильи-пророка я ее принесла. Пелена называлася, бывалошна. Как будто чем вышита, серебром, что ли».

Друг другу передавали дело охраны часовни жители Усть-Почи, как рассказывает нынешняя

совни. А до нее была еще одна женщина — Ольга Ивановна Новожилова — она ей родственница была по мужу». Ольга Ивановна (ок. 1907 г.р.) совершала службы, по сообщению Марины Гусевой, мирянским чином — скорее всего, она переняла знания от отца, который тоже был богомольный. В. И. Новожиловой (1917—2000) нередко помогал ее сын М. Н. Новожилов (1952 г.р.), особенно когда надо было помыть часовню к празднику. У закрывавшейся на замок Казанской часовни в д. Минино был сторож, открывавший ее, когда «надо служить, кто-нибудь придет — кому чего» (сведения М. А. Калитиной). Потомственными хранителями примечательной двухшатровой часовенки св. Георгия в д. Низ стала семья Богдановых: после смерти Ивана Михеевича (Михайловича?), заботившегося о часовне в советские и перестроечные годы, это дело перешло к его сыну Александру Ивановичу; в эту часовню «свои ходят, когда праздник, когда попросят старушки открыть, он открывает» (сведения О.С. Третьяковой).

Часовня св. Николая в д. Вершинино Плесецкого р-на.
Хранительница часовни — Пелагея Николаевна Ножкина. Фото автора, 2002 г.

хранительница М.С. Гусева (1979 г.р.): «Часовня Никольская ко мне перешла в марте 2000 года — я стала смотрителем этой часовни, а до этого была бабушка у нас старенькая — Варвара Ивановна Новожилова, она была хранительницей этой ча-

Тем не менее безусловно, что в советское время пространственно-религиозная функция часовен была снижена: многие из них были разрушены, лишены завершения и крестов, разграблены и заброшены либо использовались в качестве

* В музей деревянного зодчества в Малые Корелы (Архангельск).

** Тканые привесы к иконам.

Часовня вмч. Георгия Победоносца в д. Минино. Фото автора, 2003 г.

складов, контор. «Уж како было тяжёло время, тяжелей время не было. Все часовни разбиты были, разобраны. Дак у нас не было, кроме как на Погосте была большая церковь, в Филипповской. Вот только туда. Да по праздникам не пускали, некак было зайти. Зайдешь, так ты что? сразу же тебя ... А там и склад был, там ничё и не было. А в то время туды и некому было ходить, во время войны. Все иконы были — так все увезено, нигде ничего нет, ни в какой часовне. Куда это все увезли, за границу что ли продали?» — сетует Т. Г. Гусева. Религиозному оскудению района Кенозерья и Каргополья способствовало и нашествие собирателей церковных древностей и туристов, о чем вспоминает В. И. Окулова: «А тогда много людей очень <ездили> — теплоход туда ходил. А мы нечё, я дак ничё не понимала, потому что сами мы по-честному <жили>, и родители так жили, и мы тоже всю жизнь прожили, и детей воспитывали так же, чтоб они честными были. Ну, и думаю: что такое, как теплоход приходит, столько людей — и все туда, друг перед дружкой, чуть ли не бегом, туда, к часовне: кто побольше может взять икон».

Постепенно часовни ветшали, и их роль в жизни селения падала. Это замечает Е. А. Шмайхель (в девичестве Гусева, 1955 г.р., пос. Усть-Поча): «Я вот в 72-м году закончила школу — закончила всего восемь классов, а до этого — 7-й, 8-й класс, я помню, мы ходили в школу, и директор у нас был — Анатолий Андреевич. Он всегда нас предупреждал: «Завтра праздник Пасхи! Не взду-

майте праздновать!» Но в часовню — то мы все равно ходили. Мы посещали, потому что бабушки открывали. Вот эта Клавдия Степановна Максимова — она пела песни такие, как это положено, в часовне. С Варварой Ивановной мы с крестом ходили. А потом, вроде бы, под конец как-то все подзатихло: может быть, старушки — то так понемножку и ходили, та же Варвара Ивановна ходила. А молодежь какое-то время, может быть, даже и пятилетку, <храм> не посещала. А потом как-то само собой... Просто время было такое». С этим согласна Е.М. Мелехова: «Так стала советская — эта власть, все стали зажимать, что Богу не натъ молиться, в церковь ходить. Сперва — то ходили все равно, молча да ходили. А потом не стали и ходить и Богу молиться».

Тем не менее нигде не забылось посвящение часовни и связанный с ним деревенский праздник. В течение всего XX в. находились люди, которые не только ухаживали за часовнями, но и возобновляли, устанавливали их. Материалы свидетельствуют, что установка часовен — непрерывавшаяся, устойчивая традиция, переживающая всплеск в наши дни. Вскоре после войны местные жители восстановили часовню св. Георгия и прп. Макария в д. Спицыно, сгоревшую вместе со всеми иконами и утварью в 1943—44 г. от немецкой бомбы. Новую часовню устроили из амбара; снаружи она и ныне выглядит как простой амбарчик.

Трагична история часовни Тихвинской иконы Богородицы в д. Гора, стоявшей у озера, примерно в середине этой вытянутой вдоль берега деревни.

Ее сожгли в 1950-е годы; после этого она была возобновлена в ближней роще, но и там простояла недолго, ее опять сожгли (при этом отмечают, что она была «новой»). Интересные подробности об этом сообщает старейшина Кенозерья А. Ф. Сивцева (1915 г.р., д. Першлахта): «Одну часовенку нарушили в Тихвинской роще. А там другому в Ленинграде — набожный был человек — погрелись: поставь, ему говорят, часовню, да завидит* сын. И это сделал, и он амбар перевез, и сделали опять часовенку в Тихвинской, где Тихвинская ро-

ка, даже рядышком ни одного дерева, ни одного кустика не сожгло. Ну, как свечка: вот сгорела, потухла и все». Ныне на месте часовни стоят два «заветных крестика» — один ветхий, уже упавший и прислоненный к дереву, другой поставлен недавно.

В 1970-е годы, как уже рассказывалось, была построена часовня-крест «Успенье» в д. Тырышкино; в 1980-е годы Иван Александрович Максимов «со старушками» перекрывал кровлю другой Тырышкинской часовни во имя св. Параскевы (сведения З. И. Кузнецовой).

Часовня прп. Макария в д. Горка (Пилугино) Плесецкого р-на Архангельской обл.
Восстановлена на месте часовни, увезенной в музей деревянного зодчества. Перед часовней виден памятник воинам, местным уроженцам, павшим на полях сражений Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Фото автора, 2003 г.

ща, на Шишкиной. Я сколько раз была, <после того> что она сделана: у старух были бороны кладе- ны в окошко, чтобы им не заходить** <после праздника домой>. Так вот нашлись люди: утром доярки идут, а <кругом> дух, пахнет; идут, а уж догорела часовенка. А от Тихвинской <иконы> этот золотой-от обручок*** и сронен. В лодки несена она, в байдарках, наверное, увезли». По сведениям З. И. Кузнецовой (1935 г.р., д. Шишкино), возобновлял часовню Иван Васильевич Глушевский; она простояла лет 10 и вторично сгорела около 1965 г.: «У нас ведь Тихвинская вот тут стояла в роще. Кто-то иконки убрал, наверное, — я так думаю, это моя мечта <что иконы сохранились>. Убрали иконки, сожгли часовенку — она сгорела, как свеч-

В первые годы перестройки на местах многих из утраченных часовен местные жители установили сначала кресты, а потом из подручных материалов и простенькие часовни. Из бывшей баньки соорудил часовню житель д. Труфаново Валентин Васильевич Портнов. Зинаида Александровна Шилдыбаева (1931 г. р.) и Николай Николаевич Попов построили две часовни на месте стоявших когда-то в с. Лекшмозеро. В 1990-е годы на месте увезенной в музей деревянного зодчества «Малые Корелы» часовни из д. Горка, вблизи с. Пилугина, шло строительство, в котором участвовали многие: «Часовня стояла на горке, в д. Горка. Со- сновым бор такой, место хорошее. Люди жертво- вали на это строительство — местные и приез-

* Т.е. прозреет, станет видеть.

** Чтобы не заходить после праздника домой, а идти сразу в поле, бороны клали к забитым досками окошкам.

*** Видимо, венец или часть ризы.

жие, которые родом оттуда. Брат приезжал, 1000 рублей дал на строительство» (рассказ А. Н. Быкова, 1944 г.р., с. Вершинино). Восстановлением часовни из уже заброшенного магазина в с. Орлово руководила Мария Дмитриевна Калинина (1926 г.р.). В д. Малый Халуй для ремонта часовни Ильи-пророка Татьяна Васильевна Черепанова (1920 г.р.) «по людям-то походила, по Халую, ну, тут пособирали — кто сколько давал. Перекрыли крышу — пилорама недалеко, так взяли доски. Мужикам чего — мужикам бутылку дай, оне и полезли делать. Тогда еще вино-то было по талонам, свои те талоны — давали ведь на месяц — отдаем все им талоны: нате, только делайте. Закрыли, покрасили, все ухожено. Икон много собралось. Ходят. Сейчас часовней заведует Горлова Екатерина Филипповна, 76 лет — та читает-то, Татьяна-то Черепанова, 80 лет, отказалась, ключи отдала, дак та шас открывает» (рассказ О.С. Третьяковой).

Как видно, возобновление часовен, освобожденных от торговых и складских функций в 1980—90-е годы, часто происходило усилиями местных пожилых жительниц 1920-х г.р. — именно они первыми откликнулись на возможность исповедания православной веры. Приведены далеко не все зафиксированные факты: сегодня религиозная жизнь в разных формах существует вокруг, видимо, всех сохранившихся часовен.

О восстановлении часовни прп. Макария, расположенной у оз. Свиное, хлопотала В. И. Окулова: «Там две часовни. Одна — Ильи, в деревне в самой, в Семенове; вторая вот — Макарию, и она не в самой деревне, а в гору надо подняться. И такая славная была часовня, когда я еще приехала

сюда работать, мы приехали сюда работать, там столько икон было. <...> И она была с куполом, и купол был, а теперь уже купол упал, и часовня вся развалилась. Мы почему-то все больше — мы картошку сажали там, осень там, там дети, по сути дела, у нас выросли на пожне, на работе. Мы тогда писали — я уже не знаю куда, в Парк писали, потом в Архангельск писали; нам ни ответа, ни привета, ничего не пришло, а мы хотели ее реставрировать, чтоб ее поставили на очередь на реставрацию. <...> Я вот какие знаю часовни, — я раньше работала агрономом, то тут, то там, по всем деревням была, — так она не такая часовня, Свинозерская. Она изо всех часовен часовня. Только вот я не знаю какого она года. И очень нам хочется — почти вся деревня подписалась, вот тогда я написала, потом обошла людей, люди расписались. Вот эту часовню, мы уж очень просим, что ее надо восстановить».

Слова Веры Ивановны о красоте Свинозерской часовни примечательны, ибо, в отличие от первых перестроечных лет, ныне стремятся не просто огрести находящуюся в часовне святыню от разрушения, но создать красивое сооружение, как можно более близкое по архитектурному облику к утраченной часовне, стоящее на исконном месте. В этом ярко проявляется пространственно-религиозная функция часовен. Н. Я. Ушаков (1934 г.р., с. Лекшмозеро), воссоздающий часовню в д. Вильно, рассказывает: «Часовня — моя идея, и старая. Сначала стоял крест. Дождь, солнце — он стал разрушаться. Мужики, говорю, крест гниет на глазах. Сколотили из подручных материалов стены и крышу. Потом задумал настоящую часовню. Ведь, видите, что творится, нет ничего святого. На золо-

те помешались, свою честь и совесть продают. А Русь-то святою была». Николай Яковлевич считает, что «за возрождение Святой России надо настойчиво и бесповоротно работать, морально и физически». Он озабочен созданием часовни, воплощающей в себе «наилучшее в стиле святого православия».

Н. Я. Ушаков родился и вырос в Каргополье, после армии жил и работал в Мурманске, а ныне вновь подолгу бывает в родных местах. Это еще одна примета нашего времени: инициаторами воссоздания часовен и жертвователями нередко становятся возвращающиеся в родную деревню ее уроженцы.

Николай Яковлевич Ушаков рубит новую часовню свв. Зосимы и Савватия в д. Вильно Каргопольского р-на Архангельской обл. Фото автора, 2001 г.

Ими движет стремление увековечить память предков, отдать долг родителям, выполнить обет, данный в трудных жизненных обстоятельствах. Установку часовни на старом кладбище д. Труфаново организовал москвич Анатолий Тимофеевич Алексахин, кадровый военный, преподаватель одной из военных академий; автор ее проекта — архитектор Кенозерского национального парка Д. В. Тормосов. Привезенный в деревню каргопольский священник о. Борис освятил часовню во имя Всех святых. Интересно, что на освящение о. Бориса везли в полном облачении в ковше экскаватора (сведения В. А. Портновой, с. Лекшмозеро).

Петербуржец Владимир Александрович Калинин, организатор строительства часовни св. кн. Александра Невского на Мызе, производил поиск чертежей утраченной часовни в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска; проект часовни для него выполнили специалисты Строительного объединения под руководством Д. А. Соколова. Эту часовню освятили в августе 2003 г. несколько священников, которых возглавлял благочинный — священник о. Владимир (Кузив). На освящении присутствовали жители других кенозерских деревень, их доставка стала тоже заботой Владимира Александровича. Его радение о часовне не прекращается: в Александро-Невской лавре для часовни пишут икону св. кн. Александра Невского, в которую будут вложены частицы мощей святого князя. Сеем надеяться, что старинный воитель православия на северных рубежах Руси услышит молитвы своих земляков.

2. Соборные богослужения

Назначение религиозных сооружений — управление культа; богослужебная функция — важнейшая как для храма, так и для часовни, причем это именно общее, соборное моление, как правило, в большие православные и часовенные праздники, в дни особенно почитаемых в данном месте святых, в воскресенья. «У нас тоже так же ходили в часовенку, ходили молились, все гурь-

бой ходили — у нас там такая большая была часовенка, не церква, а часовенка. А потом тоже во время войны, тут такое время было, что из нее сделали магазин. И крестик сняли» (выделено мною — Г.М.), — рассказывает А. В. Овчинникова (1935 г.р., д. Шишкино), жившая до 1954 г. в д. Носовщина Янгорского сельсовета.

Почти при всех часовнях были устроены колоколенки, колокольным звоном прихожане созывались на общую службу. Сегодня колокола — редкость, один колокол установлен администрацией Национального парка на Вершининской часовне. В него звонит перед службой П. Н. Ножкина, относясь к этому чрезвычайно серьезно, во время звона шепчет «Помилуй, Господи»; и по словам Л. И. Чаловой (1946 г.р.), она звонит «не просто так, не просто бряк-бряк, она вот именно ударит и читает 12 раз «Господи, помилуй». Поэтому получается у ней дли-

Обетные платки, полотенца и пелены с нашитыми крестами. Кладбищенская часовня Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. С. Филипповское Плещеекого р-на Архангельской обл. Фото автора, 2003 г.

тельно так, минут 5, может быть. Начинает она без 10 девять, наверное, и к 9 часам как раз кончается».

Раньше все часовни были богато убраны, имелись небольшие иконостасы, в которых находилось немало икон; они украшались старинными полотенцами, были особые подставки для свеч, хранилось множество тканых заветов — полотенце, платков, одежд (от платьев до мужских костюмов), пелен с нашитыми крестами. Почти непременный элемент северной часовни — потолок в виде расписанных небес; как замечают, «стены были разукрашены, потолок — все иконы». Ныне небеса сняты и хранятся в музеях. Современное убранство часовен весьма скромное, много куп-

ленных в храмах дешевых иконок, вставленных в рамки иконных репродукций, есть и более дорогие современные иконы, подаренные приезжающими в селения священниками. Все же и теперь встречаются принесенные старушками «старинные» образа: «Иконы в часовню принесли, токо сказали: «Нате, вот тут иконы вам. А мы худы здоровьем, дак. Иконы пусть будут в часовенке. Сторожа ноне тут, да под замком, дак никуды не денутся». У них были там дома. Старушка умерла, и дочь принесла, а сама живет в городе. Когда-то эти иконы плыли в воде, их выловили. Часовенки тогда никому не нужны были, все бросали что куды, таскали, ломали. А нонь вот стали вот обновлять все. Старушка поймала — вышиблены были на воду, она поймала. Я занесла иконы в колидор. А тут у меня святá вода. Да я их водушкой маненько обтерла да и занесла в часовню». И хранительница другой часовни рассказывает: «Иконы насобираны у людей престарелых: кто умирает, дак дети приезжают, все несут в часовню. Кто уезжает к детям, кого забирают дети, все несут в часовенку. Одна только икона из храма, остальные все насобираны». Необычной особенностью интерьера часовни д. Спицыно является обивка потолка заветными платками; видимо, это — трансформированный в сегодняшних условиях обычай оформления потолка в виде небес.

Болезненно воспринимают жители вынос сохранившихся часовенных икон администрацией Национального парка даже в благих целях — на реставрацию или для сохранности. «Я в тот раз скажи: вы иконы-то увезли, так хоть бы те-то иконы привезли, поставили на место — хоть люди-то пришли... Пусть этих лобовых нет, так хоть эти есть, верхние. Люди придут в пустой анбар. Дак вы там создали музей из икон, из старых — они же не вами были сделаны, они не вам принадлежат-то. Увезли, все ограбили, пустой анбар оставили. Люди покупают современные иконы да ставят кое-кто», — жалуется А. А. Капустина (1928 г.р., д. Зехново).

Во всех действующих часовнях проводятся разрешенные мирянам службы: читаются часы, акафисты, каноны, Псалтирь. Люди собираются в праздники и в воскресенье, читают «по старинным книжкам», где они сохранились, или по новым, купленным в православных лавках. «Есть знающие люди, так они не одну статью читают», — замечает П. Н. Ножкина. Пелагея Николаевна считает неуместными распросы о молитвах, а о поведении молящихся в часовне рассказывает:

«Какие мне надо, так я такие читаю. Не расскажу про молитвы. Да, и церковные, и свои. Другие приходят, там сами про себя говорят. Свечку зажгут перед каждым боженькой*, там что-то читают. Бог их знат, чего читают. Придут, боженьку поцелуют, не одну <икону>, для чего они пришли. Особенно стары люди. Там есть икона у нас для зренья, одна — Казанска Мать. Дак здоровья просишь. Дак есть такой ковер у меня, дак падают тут <на колени>. Просишь здоровья».

Регулярно собираются прихожане и в Усть-Почской часовне; в ней, как рассказывает Марина Гусева, однажды обрели небольшой старинный образок свт. Николая: «Когда мы с девочками прочитали акафист, уже пели величание, вот эту иконку,

Часовня свт. Николая в пос. Усть-Поча.
Староста Марина Гусева в часовне читает акафист. Фото автора, 2003 г.

которую нам отец Владимир подарил новую, я ее стала снимать, чтобы дать людям приложиться к ней в храме. А когда ставила ее обратно, она упала

* На Севере богами называли святых.

Традиция украшения полотенцами особо чтимых и старинных икон. Иконные полки покрыты ткаными скатертями, салфетками, платками. На фото виден простенный деревянный подсвечник, внизу развешаны на веревке обетные платки. Фото автора, 2003 г.

за иконостас. Ее было видно, но на удивление мы не могли ее достать почему-то. Пытались многие, но не могли достать, пока не достали вот эту маленькую иконку. Когда достали маленькую иконку, мы спокойно достали эту. Таким чудным образом святитель Николай нам показал, что за иконостасом находится еще одна иконка. Это было первое наше чудо в этой часовне — очень было благодатное знамение для нас». В этой часовне уже Марина, при подсказке местной жительницы, восстановила у входной двери особый ящик для пожертвований, в который деньги можно опустить и из сеней, и из молитвенного помещения — так это было искони. «А пожертвования клали так, чтобы было невидимо для молящихся», — уточняет Марина.

Ряд свидетельств говорит о том, что в 1-й трети XX в., т.е. перед массовым закрытием, часовни использовались как молитвенные помещения несколько раз в год, в крупнейшие православные и часовенные праздники, после которых «часовенку заложат, да и опять до другого праздника». Несомненно, что в наше время, когда храмы остаются труднодоступными, фиксируется расширение богослужебных функций часовен: в этом смысле сегодня они используются как храмы, т.е. работают регулярно.

Как и храмовые, часовенные службы не ограничиваются помещениями; они включают и крестные ходы вокруг часовни на Пасху и в часовенный праздник, обнесение иконой пожара и другие случаи. Прежде было распространено ношение иконы по деревне, по домам прихожан, по полям и огородам, о чем рассказывает Н. П. Бахарева (1918 г.р. — «чужой век живу», д. Гора): «Тихвинску носили, когда вот дождика долго нету. Привозят попа, и он оттуда везет свои иконы, и эту Тихвинску берут свою и ходят кругом полей. Молились о дожде. Да, и дождь пойдет. А это была не церковь, а часовенка».

Эта икона Тихвинской Божьей Матери была широко почитаема — о ней вспоминают многие, к «Тихвинской Матушке», которую несли два (по другим сведениям, три) человека на особых носилках, приходила и А. Ф. Сивцева, жившая тогда в с. Поромском. С этой иконой обходили горящие дома, по рассказу З. И. Кузнецовой, «в 49 году, наверное»: «У нас на Горах сгорело 6 домов сразу: 2 гумна, 2 овина — сушили снопы-то, овины называются, — 2 молотилки. Большие дома, хорошие. Так ведь тут Тихвинска была у нас еще жива часовенка. Я помню, что вот эту Тихвинскую — она

северная защитница, Тихвинска — дак они носили ей: 2 человека несли, а 3-й — там стояла такая палочка — помогал сзади. И бабуля шла крестилась». Показательно, что иконой защищали жители горящие колхозные хозяйственные постройки. Зоя Ивановна смутно помнит, что с этой же иконой после войны «народ шел таким, ну, поездом — люди шли, шли, шли» по тропинке между полями и огородами: «Обходили часовню, ходили к воды туда — там озерко есть маленькое. Я тогда ничего не понимала; наверное, и слушать не больно хотелось. И потом еще куда-то, не помню, ходили, рошу кругом обходили после воды. И потом заходили — на Гору ходили, наверное, — Тихвинску-то у нас там празднуют». Очевидно, что описывается крестный ход с водосвятным молебном, включающий обход полей и селения.

Молебны о дожде помнит и Е.М. Мелехова: «Ходили, служили, на поле даже служили. Как дождика нет, засуха, ходили на поле служили, дождичка просили. Сходят бабы помолятся, домой пойдешь, и дождик затянет. Вот, представьте, я это сама <видела>». Возле часовен происходило и окропление скота: у часовни Спаса, располагавшейся километрах в 2-х от дд. Карпово и Трихново, в урочище «Крестовых», где начинались поля и угодья, кропили коней — видимо, это происходило 29 августа, в день Нерукотворного образа Спаса.

Сегодня эта форма часовенной жизни в Кенозерье и Каргополье пока не возобновлена.

Кенозерье и Каргополье — края туристические, поэтому немало самого разного рода туристов (экскурсантов, походников, участников экспедиций, паломников) посещают часовни. Нередко они оставляют в часовне записки с именами для поминовения, а также приветственного, поэтического содержания. Эти записки хранятся в часовне.

3. Частные молитвы и заветы

Ярчайшая функция часовен — молитвенно-заветная. Она проявляется в частной молитве жителей в произвольный день, когда есть желание и потребность, в дни памяти родителей. «В часовню ходят на праздник, поминать и по случаю», — так и замечает В. А. Лукин (1937 г.р., д. Шишкино). А на вопрос, что она делала в часовне, 14-летняя Катя Овчинникова (д. Шишкино) посмотрела на меня весьма выразительно и ответила даже с недоумением: «Дак я крещеная! Что в часовне делают?» Особенная молитва — тому святому, которому посвящена часовня. «Бога молим, — рассказывает А. В. Овчинникова. — Вот,

например, где часовенка, — у нас все деревни кругом, и в каждой деревне свой праздник и своя часовенка, — и вот в каку пойдешь, кому молишься, тому и завешание даешь. Просишь: к Ивану Богослову придешь, так Ивана Богослова и просишь, чтобы дал здоровья. Молишься, говоришь: «Иван Богослов, дай мне здоровья». Крестишься, да и поклонись, помолишься 3 раза. На колени встанешь, головой вниз, вот так молишься».

Чрезвычайное распространение на Севере имеет обычай заветов — обещаний и особых приношений Богу при испрошении помощи и здоровья. При этом заветом называют и само обещание (обет), и вещь, приносимую в его исполнение. Особенно часто давали заветы женщины: видимо, нет северянки, не «завечавшейся» хоть раз в жизни. «Для ме-

Икона Спасителя с обетными полотенцами. Часовня Введения Богородицы и Рождества Иоанна Предтечи. Д. Рыжково Плещеецкого р-на. Фото автора. 2003 г.

ня это кажется странным: люди вроде бы редко посещают часовню, некоторые вообще не ходят, но заветы несут все», — замечает М.С. Гусева. Смысл завета объясняет З. И. Кузнецова: «Господь проверял нашу совесть — выполнишь, нет».

Заветы давали не только за себя, но и за детей, родных, скотину. Матери сегодняшних информаторов «завечали» болеющих детей в монастыри, о чем рассказывает А. А. Попова (1912 г.р., с. Лядины): «Мне двоюродна сестра, она меня постарше, так было завечено у ее мамы год в монастыре отработать. Маленькую мама заветила ей, и когда она подросла, мама сказала: «Вот ты сильно болела, и я тебя заветила: если ты поправишься, дак ты годик отработашь в монастыре». Она прожила год в Каргополе, в девичьем монастыре. Она работала, там тоже пахали дак, сенокосили, скотину держали. Ну, вот они там работают, а их кормят, а уж денег им не давали за то, что они должны отработать год. Вот они и выполняли свой долг».

Для наших современниц заветом может быть любое благочестивое обещание: сходить в монастырь или храм (редко), поставить свечу перед иконой, пожертвовать в храм деньги, повесить к иконе или на крест полотенце, платок, пелену, отнести в часовню отрез, юбку, костюм, не работать в определенный праздник и т.д. «Заветы кладали, носили кто чего, вешали — рассказывает И. А. Калигин, — полотенца, платья навешали, денег оставили. Вот пелена — это вешают на крест. Вот на какой повешу, то в этот праздник или работать не буду, или драться не буду, или пить не буду — кто какой завет кладёт. Казанской Божьей Матери носили, вот она носила» (кивает на жену). Исполнение завета может быть трудным, но не исполнить его невозможно, как объясняет А. В. Овчинникова: «Можно такой завет дать, что очень тяжелый: куда-нибудь, может, даже ехать в церковь. И тебе станет, когда исполнишь, что тебе надо сделать, легче. Вот хотя мне некогда, все равно пойду». Конечно, в условиях отдаленности храмов и сверхзанятости в колхозах исполнение даже простого религиозного обещания требовало значительных усилий. Такой завет давала мама З. И. Кузнецовой во время тяжелого инфекционного заболевания: «Она болела и дала завет: только бы мне поправиться, я бы какая ни здоровая, что бы там ни было, я бы пошла в Ошевенск в церковь. У нас ближе было все переломано. И она ходила вдвоем с женщиной. Сходила и жила до 94 лет».

Очень распространены заветы, связанные с поминанием в Макарьевский Хергозерский монастырь, но здесь преимущественно рассматриваются заветы, связанные с часовнями.

Повсеместны пожертвования иконам так называемых тканых привесов — полотенца, платка, полотна, причем они понимаются как воплощенная

молитва. «Молимся, так вроде Богу жертва, — рассказывает А. А. Попова. — Вот, например, у меня болит голова, и я заветила вот: дай, Господи, моей головушке здоровья, я платок повешу в церковь. Вот хожу и молюсь, чтобы Бог дал здоровья, и повешу». И по поводу пелен с нашитыми крестами Александра Андреевна замечает, что «можно с крестом, можно без креста — тут уж кто как мог, так и молился». По словам П. Н. Ножкиной, «платяной завет лучше, чем свеча». В. И. Окулова даже и не называет это заветом, говоря «я просто так»: «Вот возьму полотенце, и попрошу святого Макария, что дай здоровья мне, рабе Божьей Вере, детям моим, внукам моим, скотинку мою сохрани и обереги — вот я так. Никакой не завет, а это просто так я прошу». При этом, по уточнению А. В. Овчинниковой, важно исполнить обещанное, а приношения (если не они обещаны) второстепенны: «Ну, если хочешь, оставляй, неси полотенце или платочек, а можешь так сходить, безо всего, просто помолиться». Во время молитвы в часовне надо зажечь свечу или, если их нет, оставить на них мелочь. Обязательность выполнения завета отмечают многие: «завещала, дак надо отнести хоть к Архангелу, к примеру, если дашь завет»; «как хошь, а надо доставить к такому-то дню», т.е. часто назначают определенный срок. Как правило, таким сроком был часовенный праздник.

«Завечавшиеся» во время молебна в часовенный праздник купались в освященной купели — Иордане, это довольно подробно описывает Е.С. Макарова (1914 г.р., д. Орлово): «Около часовенки Иордан был выкопан, тут мостки так настелены. Так во Владимирску поп-от служит, дак крещены-те все тут кругом стоят, а у кого завет, так тут ляга-то большая, так крещены все купались. Не в самом Иордане, а в этой ляге-то. На Иордани — там поп стоит, дак все стоят, дак кто станет купаться? Я купывалась, я шас тебе расскажу. Вот стоишь. Стоим, стоим, стоим, он служит, мы стоим. Как только он крест в воду, а мы сейчас же вот окупнемся с головушкой — а в рубашках, ведь не в одежде, а в рубашках. Да выйдем, да рубашки эдак на себе выжмем, да платье хорошо наверх надежим*. Да и пойдем». Как правило, в часовенный праздник купались именно заветные, как уточняет лядинская старожилка А. А. Попова: «А я вот была молодая, еще меня мама не завечала, и я сама не завечалась. Вот Спас Макковей — это 14 августа, когда на реку вот ходили священник с крестом, и которы завещались, то все в воду зайдут и стоят в воде. Народ со всей во-

* Т.е. наденем.

лости собрался молиться. Ну, вот, которые женщины заходили, и я зашла в воду. А потом, когда пошли, у мамы-то спрашивают: ты ей завещала? Ну, мне годов, может — 15-то было ли? — не было, наверное. Нет, мама сказала, нет, она сама. Ну, у меня спросят, а я тоже: а я сама. Я еще не понимала, что надо завещать, думала: хочешь, дак заходи и купайся».

Интересен рассказ о завете, связанном с работой в праздник, М. А. Калитиной: «Не полотенец я положила, а я 3 метра унесла полотна. Полотенца у меня не было — надо хорошо какое-нибудь. Полотна унесла. Вот, в Казанску метали сено; я стояла на стогу, а вот он, деда мой, метал. Все мы уж завершили. Он начал подпирать подпоры, а я возьми да — а он стожары поставил не больно здоровы, — он станет подпирать с той стороны, а я возьми да немножко поднажала, а у меня кончик у стожара — хрысь, а я назад с целого стога и бух на землю.

От, а вечер уж на улице. Еще бы только пограбить немножко около этого стога, и домой бы. А тут я упала. Дак вот, верите, два ребра сломала. Да еще недалёко камни были, еще не угадала о камни, а то бы убилась насмерть. <...> Дак что, гипс, забинтовали всю, 2 ребра сломано, чуть насмерть не убились. Я ска: «Больше я в этот праздник работать не буду». Вот 3 метра полотна я, белого полотна унесла и повесила в часовенку, в Мининой часовня, в Пичихиной-то там, меж Пичихиной и Мининой, я в эту часовню унесла. Ведь потому что я отнесла, что Казанская-то там, в Мининой. Вот я туда и унесла. Но в Казанскую больше не работаю. Вот если дома что по хозяйству надо, у скота али там, тут невыходное положение, а что так — нет. Я ска: «Робята, я не пойду на сенокос больше». Или другой раз у меня дочь за ягодами поедет, дак: давай, Валя, я уж съезжу за ягодами. Тут неужели согрешишь порато? Вот так».

В рассказе М. А. Калитиной интересно то, что завет дан определенному празднику — иконы Казанской Богоматери, почему для его выполнения Марии Александровне пришлось идти в часовню этого посвящения. Это — уже отмечавшаяся особенность часовни: в отличие от храма, она не универсальна. Такой именно характер заветов проявился и в с. Вершинино, когда возникла идея объединить заветные приношения двух соседних часовен: Вершининской Никольской и Шишкинской Иоанно-Богословской. На соответствующее предложение хранительница Шишкинской часовни К. Ф. Шишкина, отказавшись, заметила: «Люди клали Ивану Богослову, а мы понесем Никола-угоднику». В том же ключе и ответ П. Н. Ножкиной: «Дак и Ивана Богослова пригласить бы к Никола-угоднику <можно>».

Нередко приносили особую пелену — плат или кусок ткани с пришитым крестом. «Кресты нашивать принято, да, — рассказывает П. Н. Ножкина, — как на гробах делают, так и на платках. Таки мануфактуры, в середке крест вышьют. Который молодой народ, дак тот ничего не знат. А который старый народ, дак тот и делат кресты». Некоторые из «молодого народа» (1930-х г.г.) считают, что нашивание крестов и прорезывание при этом ткани делается, чтобы «платовья» не унесли из часовни, т.к. в советское время часовни часто грабились. Чтобы привесы не утащили, осо-

Обетные тапочки были оставлены в часовне для исцеления болезни ног.
Фото автора, 2003 г.

бенно молились Богу, а нашитый крест должен был остановить даже вора, потому что «нельзя его стаскивать — это крестик». Еще одно объяснение — «для пущей важности».

По материалам Каргополья было выявлено, что, молясь перед иконой о выздоровлении, верующие вешали к иконе соответствующий больной части тела «покров» — чулок с ноги, варежку с руки, платок с головы, отрез, платье или юбку с туловища; для молитвы о домашних животных приносили масло от коровы, шерсть от овцы и т.д.¹¹. Наблюдения в Кенозерье не показывают такой связи между характером заболевания и видом привеса, может быть, она уже давно утеряна. Такой авторитетный информатор, как П. Н. Ножикина прямо говорит: «Платок ко всему: то ли спина болит, то ли ноги болят, то ли чтоб скотинка держалась по-настоящему — можно для скотинки завет нести. Все носят, дак я-то слышу, стары люди говорят». Эти сведения подтверждают и другие: «Вот кабы у меня ноженька поправилась, дак я бы отнесла, там, платок — к примеру, так мы говорим, — или что-нибудь в какую-то часовенку, к такой-то иконе» (рассказ З. И. Кузнецовой). К. Ф. Шишкина тоже поясняет: «Что, вот, например, скажешь: дай, Господи, мне вот здоровья, я то-то сделаю. Или — так повешу полотенце этой иконке. Или там за скот: дай, Бог, проходили чтоб, чтоб все в порядке было все лето. Я думала, что вот я <за это> полотенце — нашу юбку крест — и унесу в часовенку, чтобы все было в порядке».

Интересным (и редким — обычно говорят, что из часовни ничего нельзя брать) является сообщение Л. В. Сидоровой, что из часовни можно было выкупить висевшую у иконы вещь: «Я захотела, если у меня вот болеет ребенок, я могу купить, взять там полотенчико или что-нибудь. Оставить деньги, а взять, чтоб мне утирать этим полотенцем своего ребенка. А лучше всего, когда ребенок заболит, взять простынь, чтоб накрывать ребенка, или латок повязать на голову, или полотенчико». При этом сумма не назначалась, оставляли, сколько считали нужным и возможным. Использование святой вещи («ну, они уже все равно пошли Господу Богу») способствовало выздоровлению ребенка.

Один из особых случаев посещения часовни — поминание родителей, с которым связаны определенные традиции. Нередко в часовню жертвовали нательный крестик умершего, прикрепив его к плату (на умершего надевали другой крест). Особые пожертвования приносили при трагической смерти человека: помимо обычных платков и полотенец, жертвовали его личные вещи, одежду, причем все должно быть в хорошем состоянии. День памяти умершего (день рождения, смерти), помимо молитв, надо было отметить делами благотворительности; в этот день собирали «подильничек» — узелок с едой, который несли бедной старушке. «Испекёшь пирожков, накладешь на тарелку и снесешь бабуле, — рассказывает Е.М. Мелехова, — у нас была Пелагея Федоровна. Накладешь пирожков да калиточку, да яичко кладешь, да снесешь: бабушка Поля, помани моего мужа. Вот ей подильничек принесешь». Этот обычай всегда поддерживала и Л. В. Сидорова, носившая в пору своей жизни в Мурманске «подильник» (блины, конфеты) своей соседке: «Принесу, она зажигала Богу свечку всегда и вставляла всегда на колени, читала молитву».

Исполнение заветов повсеместно и ныне. В часовнях висят многочисленные юбки, фартуки, отрез, платки с нашитыми крестами и приколотыми нательными крестиками. Порой для них устраиваются особые перекладины. Тканые привесы, являющиеся продолжением древней традиции, — проявление искренней веры и усердной молитвы.

4. Посвящения часовен и часовенные праздники

Огромное значение в деревенской жизни всегда имели и продолжают иметь часовенные праздники — дни святого или события Священной истории, которому посвящена главная часовенная икона. Каждая деревня имела свой праздник, а нередко и не один.

В силу уже отмечавшегося монистического характера часовен была особенно важна система, в которую складывались часовенные посвящения всего прихода и примыкавших к нему, доступных

¹¹ Дурасов Г. П. Каргопольское заветное шитье. // Советская этнография. 1977 № 1. С. 110; Мелехова Г. Н., Носов В. В. Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 2. М., 1994. С. 125—126; Мелехова Г. Н. Православные традиции русской деревни в XX веке (по полевым материалам Каргополья и района Куликова поля). // Исторический вестник, №1 (5), 2000. Научный журнал. Москва — Воронеж, 2000. С. 135—138; Она же. Представления русских крестьян XX века о близости Господа, Богоматери и святых (по полевым материалам Каргополья и района Куликова поля). // Исторический вестник, №2—3 (13—14), 2001. Научный журнал. Москва — Воронеж, 2001. С. 147—148.

крестьянам территорий. Это была целостная система, имеющая свои закономерности и особенности. Посвящения часовен Каргополья уже становились предметом исследования¹². Выявленные по архивным¹³ и опубликованным¹⁴ источникам и полевым исследованиям часовни Кенозерья (вклю-

чая бывшие Кенозерский, Почезерский и Кенорецкий приходы) систематизированы по уже установившейся классификации по группам (Господская, Богородичная, пророческо-апостольская, архангельская, креста, святых византийских, святых русских) и представлены в таблице.

Таблица
Посвящения часовен Кенозерья

Группа	Посвящение часовни	Местоположение часовни	Кол-во	% от общ. числа	Примечания
Господские	Вознесения	д. Телицына			утрачена
	Преображения	д. Акимова (Екимова)			
	Преображения	д. Заволочье / у оз. Наволоцкое?			по вед. 1883 г.
	Святого Духа	д. Глазово			
	Спаса Нерукотворного	д. Трихново (уроч. Крестовых)			утрачена
		Итого	5	8,5	
Богородичная и Ее икон	Введения Богородицы	д. Рыжково			
	Рождества Богородицы	д. Тамбичлахта			
	Успения Богородицы	д. Карпово			
	Успения Богородицы	д. Будлыгино			утрачена
	Успения Богородицы	д. Тырышкино			строит. 1970-х
	Успения Богородицы	д. Самково			по вед. 1890
	Казанской иконы	д. Минино			
	Тихвинской иконы	д. Гора (Фомина)			утрачена
		Итого	8	13,6	
Арханг.	Архангела Михаила	д. Федосово			
		Итого	1	1,7	
Пророческо-апостольская	ап. Андрея Первозванного	д. Видягино			нет в вед. 1883
	Илья-пророка	д. Мамонов остров			утрачена
	Илья-пророка	оз. Свиное (д. Семеновская)			
	Илья-пророка	д. Аверкиевская / и свт. Николая			по вед. 1890

¹² Мелехова Г. Н. Православные традиции в Каргополье... С. 125—138.

¹³ ГААО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 117. Л. 1—2 об. Ведомость о церкви Кенозерского погоста за 1883 год. Копия ведомости любезно предоставлена строителем часовни в д. Мыза В. А. Калитиным, за что автор приносит ему свою благодарность; Ф. 1342. Оп. 2. Д. 195. Л. 40. Кенорецкий приход.

¹⁴ Известия ИАК. Вып. 52. СПб., 1914. С. 157; Шайжин Н. С. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908 № 22. С. 545; Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка. Приложение 7. Список памятников истории и культуры Кенозерского национального парка, состоящих на госучете. Приложение 8. Список памятников истории и культуры Кенозерского национального парка, подлежащих учету. Петрозаводск, 2002. С. 168—170.

Группа	Посвящение часовни	Местоположение часовни	Кол-во	% от общ. числа	Примечания
Пророческо-апостольская	ап. Иоанна Богослова	д. Шишкино			
	ап. Иоанна Богослова	д. Зехново			
	Иоанна Предтечи	д. Горбачиха			
	Иоанна Предтечи	д. Филипповская			
	апп. Петра и Павла	в ограде церкви с. Вершинино			нет в вед. 1883
		Итого	9	15,2	
Крест.	Воздвижения Креста	д. Захарова			
		Итого	1	1,7	
Византийских святых	св. Анастасии	д. Косицино			нет в вед. 1883
	св. Антония Великого	д. Поромское			утрачена?
	св. Афанасия Многомил.	д. Тарасово			нет в вед. 1883
	св. Варвары	д. Матера			нет в вед. 1883
	св. Власия	о. Медвежий			
	св. Георгия Победоносца	д. Менино			нет в вед. 1883
	св. Георгия Победоносца	д. Важа Ряпусовского с/с			утрачена
	св. Георгия Победоносца	д. Спицыно / и прп. Макария			
	св. Димитрия	д. Городское			нет в вед. 1883
	свв. Кирика и Улиты	д. Немыта			
	свв. Кирика и Улиты	д. Филипповская			утрачена
	свв. Космы и Дамиана	д. Чолма			
	св. Николая Чудотворца	д. Бухалово			
	св. Николая Чудотворца	д. Вершинино			
	св. Николая Чудотворца	д. Горбачиха (придорожная)			нет в вед. 1883
	св. Николая Чудотворца	д. Усть-Поча			
	св. Николая Чудотворца	д. Аверкиевская / и пр. Ильи			по вед. 1890
	св. Николая Чудотворца	д. Кузьминская / до 1900 раскольн.			по свед. 1908
	св. Параскевы Пятницы	д. Тырышкино			
	Трех святителей	д. Немыта / уроч. Мясное			
	свв. Флора и Лавра	д. Семеново			
		Итого	21	35,6	
Русских святых	св. Александра Невского	д. Климовская			утрачена
	св. Александра Невского	д. Мыза			восстановлив.
	св. Александра Свирского	д. Бор / та же в Климовской?			утрачена
	св. Диодора Юрьегорского	д. Тырнаволок			
	свв. Зосимы и Савватия	д. Рослякова			утрачена

Группа	Посвящение часовни	Местоположение часовни	Кол-во	% от общ. числа	Примечания
Русских святых	св. Макария Унженского	д. Качакова Горка			утрачена
	св. Макария Унженского	д. Горка / Пилюгин. Федоровская?			восстановлена
	св. Макария Унженского	д. Спицыно / и св. Георгия			
	св. Макария Унженского	д. Першлахта			
	св. Макария Унженского	у оз. Свиное			утрачена?
	св. Пахомия Кенского	д. Поромское			
	св. Пахомия Кенского	д. Карпово / ныне «Успение»			нет в вед. 1883
	св. Феодосия Тотемского	д. Трихнова			утрачена
	св. Филиппа-митрополита	д. Кривцово			
		Итого	14	23,7	
Итого всех святых			35	59,3	
Итого всех установленных посвящений			59	100	
Посвящение не установлено	часовня	д. Бояриново			нет в вед. 1883
	часовня-крест	д. Бухалово			нет в вед. 1883
	часовня-крест	д. Зехново			нет в вед. 1883
	часовня-крест	д. Тырнаволок			нет в вед. 1883
	часовня	Кенорецкий приход			по свед 1914
	часовня	Кенорецкий приход			по свед 1914
		Итого	59		
Итого во всех группах			64		
Зафиксир. праздники	жен-мироносиц	д. Глушего			
	свв. Кирика и Улиты	с. Ряпусово			
	св. Георгия («Егорью»)	с. Ряпусово			
	Вас. Вел?	д. Захарово			

Нужно заметить, что, по сравнению с другими источниками, в указанных в таблице посвящения часовен зафиксированы изменения:

1) ряд часовен (даже сохранившихся ныне) в ведомости отсутствует; автору уже приходилось отмечать, что по разным причинам ведомости XIX в. указывают не все часовни;

2) две часовни в начале XX в. перестроены в церкви: Ильи-пророка в Видягине (в ведомости отсутствует) и Сретения Господня в Ряпусове

(указана в ведомости), поэтому они отсутствуют в таблице;

3) в д. Карпово, как отмечают все информаторы, часовня посвящена Успению Богородицы, хотя в публикациях Национального парка указана часовня во имя св. Пахомия (Кенского?)*, а в ведомости часовни в этой деревне не указано;

4) в д. Спицыно часовня, указанная в ведомости как посвященная вмч. Георгию, приобрела второе посвящение прп. Макарию («Макарий попутный»

* Прп. Пахомий Кенский, ученик прп. Александра Ошевенского, жил во 2-й половине XV в.

или «Макарий ближний»), т.к. дорога в бывший Макарьевский Хергозерский монастырь («Макарий Дальний»), куда ходили очень многие, проходила через Спицыно — от него начиналась сухопутная дорога («Дак вот идут по Спицыну, дак тут попразднуют, кто у своих — в гости зайдут, погостят, попьют—поедят, погостят. А большой гулянки не было в Макарий, гулянка большая в Егорий, гуляли да плясали», — рассказывает Е.М. Мелехова);

5) часовня в д. Тырнаволок в публикациях Национального парка указана как часовня во имя св. Феодория; по-видимому, эта ошибка возникла из-за нечеткой огласовки имени святого, часовня этой деревни посвящена св. Диодору Юрьегорскому* (местные жители говорят «Диодорий», «Иодорий», «Тиодорий», «Мимодорий»);

6) в 1970-е годы в д. Тырышкино была построена часовня-крест во имя Успения Божией Матери.

Анализ посвящений кенозерских часовен показывает, что их распределение по группам примерно совпадает с каргопольскими: чуть менее 1/10 части составляет Господская группа (в Каргополье 11,15%); почти столько же Богородичных посвящений (без икон Богородицы, в Каргополье 11,48%); вместе с посвящениями иконам Богородицы доля возрастает до 13,6%; 1/7 часть (15,2%) занимают посвящения пророкам и апостолам (в Каргополье 17,70%, т.е. 1/6 часть). Существенно больше в Кенозерье — почти в 2,5 раза — посвящений русским святым: около четверти всех посвящений (23,7%, в Каргополье 9,84%). За счет этого доля группы святых выросла почти до 60%, (59,3%, в Каргополье 43,28%); посвящений византийским святым примерно одинаково (35,6%, в Каргополье 33,44%). Заметно, что система часовенных праздников кенозеров имеет свою специфику в сторону усиления почитания русских святых. Видимо, это следствие того, что Кенозеро — древний очаг расселения новгородцев.

Прослеживаются и другие особенности. В Кенозерье лишь одна часовня, посвященная Воздвижению Креста, а в Каргополье они составляли 6,56%, что связывалось с установкой часовен на месте прежде стоявших крестов и перенятием их посвящений. Судя по этому, кенозерцы чаще ставили часовни сразу, без промежуточных стадий. Подтверждается очень широкое почитание свт. Николая (10,2%, в Каргополье 6,88%) и прп. Макария — посвящения ему встречаются в 2 раза чаще, чем в Каргополье (8,5%, в Каргополье

4,26%). Среди русских святых — подвизавшийся в Кенозерье и на север от него прп. Пахомий Кенский и св. Диодор Юрьегорский (ныне помнят их мало). Отметим, что в некоторой степени, из-за неполноты кенозерских данных, результаты носят предварительный характер; различия могут быть связаны также, помимо специфики Кенозерья, с охватом в Каргополье целого уезда — более обширной территории, на которой могут нейтрализоваться отдельные предпочтения.

Икона прп. Пахомия Кенского.

Таким образом, система часовенных праздников Кенозерья отмечает частое обращение его жителей к заступничеству русских святых, свт. Николая, прп. Макария.

Современные ученые, исследуя деревенские праздники, приравнивают дни часовенных святых, по их значимости для сельчан, к храмовым, престольным, называя «часовенными престолами»¹⁵.

* Прп. Диодор Юрьегорский подвизался в местечке Юрьевы горы (вблизи Водлозера), святой XVII в.

¹⁵ Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина. // Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 124—167.

«Престольный праздник как фактор годового круга литургического времени вместе с тем стал и глубоко своеобразным явлением духовной культуры православных людей», — пишет Л. А. Тульцева¹⁶. Она выделяет ряд характеристик, охватывающих весь мир (пространственный и временной — мироколицу) крестьянской жизни: храм — дом — улицу. Многие из них подтверждаются современными каргопольско-кенозерскими материалами.

О значении праздника в прежней деревенской жизни красноречиво рассуждает Е. В. Калитин (по-деревенски Коммунистов, ок. 1920 г.р., пос. Усть-Поча); его свидетельство тем более примечательно, что он, действительно, как это следует из его деревенской фамилии, сын чуть не единственного в те годы коммуниста в деревне и характеризует себя словами «пустой человек», «попусту говорит», «не толкую», «никудобный»: «И я век прожил — я такой никудобный особо, что никуда ни по праздникам. <...> У нас один праздник, так. Я не здешний, я — вот Мыза рядышком, — с Мызы. Там Александров день. <...> Нынь каждый день празднуют Александров день — современненький люд. Деньги в кармане — и праздник. А раньше — ходили там по гостям — где <празднуют>, так и сбродишь, отпавали. А нынешний народ — просто не народ, а я не знаю кто. Ежели я у тебя был, к примеру, угостила ты меня — я долж(н тоже, как ходишь гостить, тоже долж(н тебя угостить. А нынешнему народу не поберегсти: взять возьмет — и... Нынче кто кого не знат? И никто никого. Ну, угостит брат брата и сват свата. А так — никто. И праздников сейчас, считай, что нету. Как д(ньга появилась — так надо кому-то дать вино спрятать, а не спрятать — значит, не поберегут, самому не поберечь. Век попорченный. Я не знаю, может ли на таком народе еще стоять земля-то ведь. Некрещеный люд-то. Ну, крещеный-некрещеный... сейчас-то было и начали их хоть крестить, а толку-то? Все равно они, наверное, не толкуют лоб перекрестить». В этих словах явственно определенная праздничная этика, связь ее с христианской совестью и выдержкой человека, осознание праздника как не только и даже не столько пира и выпивки; отсутствие этого — свидетельство испорченности. На мое возражение «Может, Господь просветит?» Евгений Васильевич замечает: «Да Господу тоже такие люди, наверное, не требуются».

Подготовка к празднику начиналась с наведения чистоты в доме, деревне, часовне. К. Ф. Шиш-

кина (1940 г.р.) рассказывает: «В часовню ходим. До праздника чё-нибудь я попашу* да полы по мою — когда чего. А потом ходим да свечку пожжем, да помолимся, да здоровья помолим, да вот скотинку, да все, все благополучно <чтоб было>, да из церкви** идем». В. А. Капустина (1939 г.р., д. Спицыно) помнит, как «после войны нас, девченок, матери к Пасхе посылали часовню намыть. Сейчас моем к Егорью, к Макарью — 2 раза в год». И в других деревнях накануне праздника женщины моют часовню, осознавая свой труд как богоугодный: «Ходили, помыли полы, стены — тряпчочкой чистой, мыльной водой. Половочки выколотили, порядок навели. Она мне: «Давай, Марья, пойдем, вымоем все, Ивана Богослова отмоем. За нас пойдет. Пойдем, уберем грязь». — «Пойдем, пойдем, Шуронька, пойдем». Взяли тряпки, ведра, метелки и пошли» (рассказ М. В. Капустиной, 1927 г.р., д. Зехново).

В часовенный праздник в часовню ходили даже редко посещавшие ее, называющие себя неверующими, больше никогда в нее не заглядывавшие и мало что в происходящем в часовне понимавшие («для меня все одинаково», «это все единообразно»), отчего сегодня они порой помнят лишь выпивку и гулянку. «Чарочку нальют, хмельной придешь. Утром не успеешь выстать, на работу гонят батогом», — озорно улыбаясь глазами, балагурит И. А. Калитин. Многие были тогда маленькими или молодыми, не интересовавшимися этой стороной жизни («я не должен, может, и помнить — уж сколько мне было лет!», «будто мне помнится что про это дело, одно знал — побежать»); к тому же необходимо преодолеть обычное крестьянское «ничего, подружка, не знаю» и даже: «Золотая, что ты! Ты глуб(ко так это... Разве в этих кумполах (показывает на голову) был начальник?»).

О духовной значимости этого дня особенно часто говорят старейшие жители. «Так Вознесенье Господне праздновали: съезды да попа привезут, привезут старики попа. Да и он служил. А крестьяны-то приедут к празднику, дак все идут Богу молиться. Все стоят молятся Богу. И он служит в часовенке. И полна часовенка найдет народу. И не входит народ-от, да тут, у канавы, все стоят да все молятся, вот так», — вспоминает Е. С. Макарова. И по словам П. Н. Ножкиной, «поп приезжал к нам на Паску, на Рождество, на Илью-пророка. <... Он> молитвы вёл, всё, празднику наи-

¹⁶ Там же. С. 125.

* Так на Севере называют подметание пола.

** Оговорка, надо: «из часовни».

меновал». А. А. Попова тоже рассказывает об активном участии священника в празднике: «В часовню приходил священник вечером, в канун праздника, в субботу. В воскресенье, в праздник опять приходил: обидню тут служил. И все, которые верующи, молящи, приходили тут молилися. Летом, дак на улице стояли молилися. В часовню немного войдет, мало места—то. Кто денежки приносил в часовню на свечку, свечки покупали, кто платок повесит, кто — полотенце, там — жертвовали женщины—то что—нибудь, повесят». Многочисленность собиравшихся к празднику отмечает и В. А. Капустина: «надо очередь на крыльце отстоять, чтобы за стол* попасть».

Обязательно служились водосвятные молебны: и в Кенозерье, и в Каргополье они происходили на берегах озер, «ходили н(воду», как вспоминают многие. Вот прекрасный рассказ Е. М. Мелеховой, относящийся к часовне в д. Зехново, где рассказчица родилась и прожила почти всю жизнь: «Все праздновали, хорошо праздновали. У нас празднички праздновали — два Ивана Богослова. Один осенью, 9 октября, а другой 21 мая. 21 мая — маленький Богослов, а большой Богослов называется 9 октября. Службу служили, в часовенку ходили, маленький Богослов н(воду ходили. На воду ходили с крестным ходом, с иконами. Из церкви** ходили н(воду. Он там на воды сослужит молебен, потом идут в церковь Богу молиться опять. Други—то дак ведь ц(лятся***, заветы кладали. Вот, например, болеешь — вот нын дак вот не заветишьсе; тогда болеешь, дак позавечаешьсе: «Иван Богослов, прости меня во всех грехах», или там: «Макарий преподобный» — ходили к Макарию преподобному, 17 километров. Я два раза ходила. Да я — ой, да я столько ходила! Выкупаюси, например, о Богослове — на воду, выкупаюси, свечку поставлю, Богу помолюси, вот так. И все выполняли. И в этот маленький Богослов даже кони кропили. Водили к часовенке, водили кони кропили, службу служили. Сперва службу служили, на воду сходя, да святой воды возьмут, чашу принесут, а потом батюшка выйдет, служит, а кони подводят на поводах, каждый своего коня, каждый хозяин. А он кропит, в водушке окупн(свою мазилку да и кропит кони. Коров — заветы кладали. Вот, например, корова болеет, дак позавещаются чего—нибудь, а не водили <кропить>. Даκ позавещаются: я вот тебе, расчитаемся, подарочек принесу. Что можешь. Ко-

рова — даκ несли масло Ивану Богослову. А Иван Богослов — это масло распоряжались там, ведь были церковные работники, их надо было содержать, плотить. За эти денежки — на часовенного работника распределяли, сколько чего. В Спицыне был праздник Егорий Храбрый. Там тоже на воду ходили, тоже кони приводили, кропили». На молебне читали записки («бумажки») с именами, которые подавали в часовню.

О молебнах и коллективных купаниях вспоминает и И. Ф. Вахромеев (1920 г.р., д. Карпово): «С молебнами ходили н(воду. Поп вел туда всех — там нос у нас есть такой, песочек. Люди заходили в воду, стояли. Заходили по пояс, стояли в воде, потом купались и выходили». И еще одна старейшина Кенозерья А. С. Юрьева (1914 г.р., д. Горбачиха) помнит, что в деревенской придорожной часовне «Микола Угодника», когда она «жила своим хозяйством, даκ кропили кони. Даκ туда эту лошадку на праздник гоним. Ну, там батюшка кропил. Даκ вот та часовня вроде как для коней».

После молебнов, купаний, окроплений людей и животных праздник переходил в дома прихожан, где начинался прием и угощение гостей. Все это продолжалось и в колхозное время; вот рассказ К. Ф. Шишкиной (1940 г.р.): «Родилась на П(ромском, даκ вот там часовня была Антонию Великому, праздновали 30 января. Ой, раньше хорошо праздновали. Клубов таких вообще не было, были гумна, вот в этих гумнах вечеринки праздновали. А праздники проходили ведь раньше не так, как сейчас. Все напечено было — не такие вот, белого, может, и не было, а все такое — блины уж на сковороде всегда были. Раньше не было пшена, так толокном замешивали — начинка, чинили—то блины толокном. А потом пшено появилось, так стали побогачей немножко, даκ и пшено. А пшено это было всем на удивление, что пшено. Это в колхозах. И сначала чаем поили. Обычай, что чаем поят, а потом уже за столы садятся».

Традиции гостевания в часовенный праздник относятся прежде всего к родственникам широкого круга. Почти все старушки упоминают, что ходили именно к родне. «Ходила в Большой Халуй — была родня, у батюшка ушел в приемыши двоюродный брат, и вот мы туда ходили, 26 мая там праздник. На лужок все ходят, 1.5 километра туды. Вот сп(рва молебен пройде, а мы не заставляли никогда, потому что надо 23 километра идти отсюда туды. Пр(дем, а уж люди на лужок ушли. Даκ вот

* Т.е. к аналою, к кануну.

** В нескольких километрах от д. Зехново церковь Сретения Господня в с. Ряпусово.

*** Т.е. лечатся, исцеляются.

там долго гуляли», — вспоминает П. Н. Ножкина. И А. А. Тервинский замечает: «Трудоспособный, да родня, дак вот туда к празднику ходили».

Но в праздник приходили в деревню и посторонние, чужие — видимо, чаще это были мужчины, вспомним свидетельства Е. В. и И. А. Калитиных: «где празднуют, так и сбродишь, отпаивали»; «чарочку нальют, хмельной придешь». Интересный эпизод, раскрывающий семейные стороны

Традиция гостевания. Фото автора, 2003 г.

праздничной этики, приводит А. С. Юрьева; она отмечает, что водку пили одни мужчины, они и садились за столы: «Вот если, например, мой муж сидит пьет — там у их застолье. Сидит пьет, а мне надо к нему как-то подойти да что-то сказать. Ну, дак уж зайдешь, дак знаешь как, что сказать. Дак придешь, проздравить, как они тут пьют и все, потом: «Миша, — у меня Мишей звали, — Миша, пойдем домой». — «Ладно, Шурушка, ладно, давай, пусть посидит, пусть посидит». Ну, вот, значит, его еще оставляю. «Ты придешь в такое

время?» — «Приду». И вот выполняли, домой приходили. А нонь женщины пьют, мужчины пьют, и не поймешь кого, чего».

Ярко и образно праздничное застолье, в котором всем, и не только родственникам, находилось место, описывает Л. В. Сидорова: «Иван Богослов — знаете, столько народу наедет! Люди, кстати, действительно идут в часовню, Ивану Богослову поклоняются, молятся. А потом, после, к обеду уже, после обеда* — садятся за столы. Застолье садились — не один стол поставлен, наезжает столько народу. Вот поставили столы, значит, здесь приехали первые гости, садятся кушать. Приехали вторые гости, эти откушали — садятся там чай пить уже за другие столы, чай пьют с блинами. Блины, кстати, пекут двойные — шаньги и блинчатые, считается. Опять вот эта партия откушала, следующая партия приходит, опять садятся кушать, следующая — опять за чай. Вот они. А та уже, первая, отгостила, уже уходит, по другим гостям пошли. И вот это продолжается до вечера. А вечером на середине деревни всегда организовывалось гулянье. А гулянье всегда было с гармошкой. И всегда ходили кадрили. Даже вот я — мне 45 лет — вот сколько я себя помню, даже я хаживала кадрили. У нас был всегда гармонист, хороший был гармонист — Сережка Лыков из Спицына, он всегда играл эту кадрили. Наша кадрили, вообще северная — самая считается популярная, можно сказать, красивее нашей кадрили нет, если так разобраться. По-моему, 24 мелодии — да, мама? — у нашей кадрили. И она очень красивая. И вот, знаете, выйдешь, посмотришь, люди настолько вот, особенно после вот этой работы все, что вот этот праздник был настолько — все пляшут кадрили, портянку, после начинается русского. И вот по сей день — вот уж насколько я, я еще не старая, — но мне до сих пор, я не признаю другого, гармонь лучше всех».

Людмила Васильевна в своем рассказе описывает широкие гулянья на улице, устраивавшиеся в праздник. Но этим днем, как свидетельствует Т. Г. Гусева, гулянья и заканчивались: «Погоуляем немного, попоём, попляшем. Как все разошлись, посудку намоешь, все сделаешь. Чтобы на второй день кто-то опохмелится — это даже не было в помине».

Празднование часовенных дней никогда не прерывалось, а сегодня оно постепенно восстанавливается в своей полноте, как это можно видеть из многих уже приведенных свидетельств. Очень проникновенно рассказывает о продолже-

* Т. е. после обеденного часа.

нии традиций празднования часовенного дня д. Тырышкино та же Л. В. Сидорова: «Парасковийюшка — у нас наша здесь часовенка. Она — хранительница домашнего очага и хранительница скота. И у нас Парасковию празднуют 10 ноября. Но это праздник считается строго постный, строго постный. В этот праздник уже ничего, кроме постного нельзя готовить. Это праздник для скота. И мы — вот я молодая еще — но мы не нарушаем завета. Если я справляю праздник — ко мне приходят также гости — племянники там, племянницы, сестры, братья, знакомые хорошие, подруги — они едут. Только постное у меня все на столе, у меня, кроме постного, ничего не может быть. Преклоняюсь перед ней». Как уже отмечалось, Людмила Васильевна неслучайно использует слово «завет», она передает известия о заветном характере праздника.

5. О кормление и наставничество

В начале XX в., в условиях, когда селения были включены в систему церковных приходов, при реальной для всех возможности общения со священником и при наличии регулярных, по крайней мере, ежегодных исповеди и причастии, окормительно-наставнические функции часовен проявлялись исподволь, опосредованно, через социальные институты обычного права и общественного мнения, всегда весьма авторитетные и действенные в русских селениях. Обрыв связей нормальной церковной жизни в 30-е годы, аресты и ссылки священников, духовно-религиозная заброшенность людей привели к резкому росту значения этой функции часовен в жизни деревень. Собираясь и группируясь вокруг часовен, люди поддерживали друг друга, помогали противостоять порой весьма агрессивной, насаждавшейся и поддерживавшейся сверху атеистической пропаганде, учились друг у друга, переписывали православные и народные молитвы (их и поныне немало хранится в крестьянских тетрадках) — ведь одно из первых советских изданий молитвослова было предпринято лишь в 50-е годы¹⁷.

Но кроме этого советское время выдвигает отдельные благочестивые личности, по необходимости берущие на себя окормительно-наставнические функции. Эти люди были близки к Церкви в пору ее функционирования, работали в ней или помогали священникам и, сохранив твердость веры и верность церкви, все-таки уцелели в пору

репрессий. Они знали службы и имели религиозную литературу.

В Каргополье таким был Александр Васильевич Первушин из д. Гужово («дьякон не дьякон — набожный, все знал»), которого молодежь звала «все батюшка да батюшка». В 50-е годы он был уже стариком. Как рассказывает О. В. Ушакова (1911—2003, с. Лекшмозеро), «так они были на Гужове, там был отец Алипий, дак они такие же ходили, очень молились Богу, дак он там у отца Алипия так-то поучился, на Гужове. Раньше, когда не разорили церквей-то, там божественный народ был, на Гужове. И он все ходил там пел в церкви да молился». Он был одним из тех, кто в праздники приходил в Макарье и «служил»; собиралось и немало певчих. Тогдашняя молодежь воспринимала эти службы с восхищением: «Службы-то хороши были ведь, пели тогда, служили, какая служба была!» (отзыв В. Я. Стерховой, 1946 г.р., с. Лекшмозеро); люди более зрелого возраста ощущали ее неполноценный (без священника) характер: «Чё там, он почитат да...»

Яркой личностью, запечатлевшейся в памяти многих ныне живущих кенозеров стал «Филюшка», Филипп Антонович Ликотов из Почезерской д. Потеряево; «божественный», «негреховодный», «дедушка такой святой» — так вспоминают о нем сегодня. По утверждению М.С. Гусевой, он был дьяконом церкви Животворящего Креста с. Филипповское в Почезере. В часовенные праздники он ходил по деревням Кенозерья и совершал в часовнях молитвословия; однажды его даже выгнали советские власти. По сведениям Н. Ф. Калитиной, переданным Мариной, у него был иерейский наперсный «очень красивый крест», которым он благословлял в конце службы. «Видимо, он совершал что-то по иерейскому чину», — заключает Марина. Ф. А. Ликотов был невысокого роста и смолodu имел большие «узкие-узкие глазки» и плохое зрение, видимо, к старости он был совсем слепой — его так и звали: Филюшка слепой, из-за этого он был «не работный». Он жил в маленькой избушке с неоштукатуренными стенами (тогда это было обычно) и земляным полом, где стояли кровать, стол, деревянные скамейки и было очень много книг — «большие стопки», к нему бегали дети. Когда-то он имел семью — жену (умерла) и дочь Аннушку (31 г.р.), которая уехала в Петрозаводск в няньки, а в 60-е годы, когда отец был еще жив, приезжала с сыном. «Филюшка» не был образован, но с малых лет жил при церкви, где многому

¹⁷ Поздеева И. В. Слово богослужения и этноконфессиональное сознание русского народа. // Традиции и современность. №2, 2003. Научный православный журнал. М., 2003. Ил. 2 на с. 32.

выучился: «с этого он и жил». Умер он около 1960 г. (сведения Т. Г. Гусевой и Е. А. Шмайхель). «Филипп — божественный, — рассказывает И. А. Калитин, — ходил, милостыню собирал, попов тогда не было, запретили. Он мог служить, и вот старухам послужит в часовенке. Все накормят-напоят, кусок дают. Ходил собирал милостыню, с корзи-

рассказывает: «Он один был старше всех, да при церкви <жил>, и служил, можно сказать, так ему все и верили. <...> Все ему ведь верили, во время-то войны. Ведь некому было покаяться, некому было пожаловаться. Он придет, вот этот Филипп — ему покаются, жалуются, а он говорил: «Ну, надо как-то ведь держаться, надо как-то де-

Пелена с аналая из перевезенной в музей деревянного зодчества Малые Карелы часовни прор. Ильи. Д. Мамонов Остров. Пелену сохранила П. Н. Ножкина. Фото автора, 2003 г.

ной. Он плохо видел. Сероглазый такой. Старуха померла, своего хозяйства не было. К кому придет, так попросится дак. Пускали его все, вот так вот. Ходили с корзиной, просили». Иван Антонович рассматривает его деятельность единственно как способ пропитания.

Филипп Антонович ходил сам и водил людей (каким образом, ведь он был слепым или плохо видящим?) и «по дальним праздникам»: в Ошевенск, на Макарий, почему о нем помнят и в Каргополье. Он молился за людей (по их просьбе), носил их заветы, участвовал в службах.

Еще одна роль Ф. А. Ликотова — крещение детей и отпевание усопших. Сегодня в Кенозерье не редкость от пожилого человека услышать, что он крещен «Филушкой». В. И. Окулова вспоминает: «Он по праздникам приходил. А вот, например, народился маленький ребенок, его приглашали покрестить, или ведь отпевали покойных — тоже, его тоже приглашали».

Филипп Антонович обладал несомненным авторитетом среди тогдашних крестьян, Т. Г. Гусева

тей воспитывать». Он словом помогал, поддерживал людей».

Сегодня кто-то относится к деятельности Ф. А. Ликотова скептически: «там уж как он крестил — то Бог его знает», «при нас отпел — это всё, ой!» — но в тех условиях это было единственной возможностью не остаться некрещеным или неотпетым. К тому же Церковь признает крещение, совершенное мирянином при необходимости. Не будем не благодарны к тем, кто в то суровое время, как мог, помогал, врачевал, просвещал. Они сами остались верны Господу и в других поддерживали неровно горящий тогда огонек веры, в результате чего он дошел до наших дней.

В наше время часовни остаются центрами просвещения и наставления. Интересен рассказ молодой хранительницы часовни в Усть-Поче Марины Гусевой о том, как она пришла к вере: «Все складывалось из мелочей: там, бабушка перед обедом перекрестилась или мама, допустим, читала на ночь молитву. Все это вызывало интерес, сознание давало, что существовало что-то, помимо

денег. В первый раз в часовню я пришла — я точно не помню, сколько мне было. Но единственное я помню — я поразились тому, что сама часовня вроде такая неприметная, но вот эти небеса — они меня поразили. И состояние мелочности в этом мире перед чем-то большим осталось до сих пор. Большое чувство было. <...> В первый раз я богослужение увидела, когда владыка Тихон приезжал в августе 98-го года освящать Никольскую часовню в Вершинино. Он приехал с сопровождением и с клиросом — клирос, конечно, архиерейский был, хороший. Само богослужение меня действительно поразило до глубины души. Я понимаю, почему Владимир, князь Владимир, выбрал эту веру, — действительно, она очень красивая, именно богослужение. Все это постепенно откладывалось в душе, вот эти впечатления. <...> Вот этот крестный ход я хорошо запомнила вокруг часовни. И вот это все постепенно откладывалось, откладывалось. Почва закладывалась. Ну, креститься, я не знаю там, чтобы специально готовиться, такого не было. И вот ещё сам момент крещения, когда они окрестили, чувствовалась какая-то благодать. Ее точно никогда не было. Такую благодать я ещё ощущала, когда посещала Троице-Сергиеву лавру — такое состояние духа было возвышенное. Когда крестилась, это вообще как... 1-й день после крещения, на 2-й день причастие было — вот эти 2 дня, они в памяти отпечатались. <...> Сознательно я веру не выбирала, но я всегда знала о существовании Бога. Да, внутреннее предчувствие было, сознание этого. Так или иначе, душа, она стремится к Богу, и как бы наше тело ни хотело другого, душа, она всеравно будет стремиться к Богу. Всё равно внутреннее сознание о существовании Всевышнего, оно было всегда. И как недавно директор школы вспомнила, я этого, конечно, не помню, она говорила: Маринка все время доказывала, что Бог существует, а я ей говорила, что нет; мы с ней часто спорили, всё время. Она всё стояла на своём. Я говорю: я и сейчас продолжаю стоять на своём. Только уже делами доказывать. <...> Постепенно опять приближаешься к этой греховной лучине, ведь теряешь со временем эту благодать, и потом, мне кажется, она не восстанавливается. Для этого нужен какой-то молитвенный подвиг. А начинать надо с малого».

Расширению просветительских функций часовен сегодня способствуют московские священники, которые, впервые появившись в этих местах несколько лет назад в качестве паломников, завязали прочные связи с хранителями часовен, оказывают им всяческую поддержку и помощь, что при нехватке священников играет огромную роль.

В 1999 году только в Усть-Поче, в один день, они окрестили более 200 человек.

6. Хозяйствование

Организационно-хозяйственная функция была свойственна часовням всегда, ибо без свечей и другой церковной мелочи, без своевременного ухода за часовней и ее ремонта нельзя было обходиться. Из ряда свидетельств следует, что когда-то были часовенные работники, находившиеся на содержании прихода. Сегодня этими вопросами занимаются хранители часовен. Начальный ремонт часовен осуществлялся на собранные средства («по людям походила»), свечи покупают в ближайших действующих церквях, какую-то помощь оказывает Национальный парк.

Примечательно, что наше время расширило и эту часовенную функцию, добавив к хозяйственным вопросам юридическую регистрацию общины, которую осуществил председатель православной общины д. Орлово Микшин Юрий Николаевич (1951 г.р.). Он — уроженец Орлова, и хотя в 1,5 года был увезен родителями, каждое лето проводил у бабушки и дядьки. Несколько лет назад он выкупил свой родовой дом и вернулся в родную деревню. Юрий Николаевич зарегистрировал общину, оформив все документы, поставил ее на учет в налоговую инспекцию, получил ИНН, изготовил печати, разработал логотип и бланки; пока не открыл счет в банке. Интересно, что исторически в Орлове никогда не было отдельного прихода, оно было приписано к церкви в с. Лекшмозеро. Но это село — в 10 километрах от Орлова, и при нынешнем состоянии транспорта связи с ним затруднены.

В д. Орлово когда-то было 3 часовни, одна из них — Тихвинской иконы Богоматери ныне действует, ее хранитель — Мария Дмитриевна Калинина. Заботой Юрия Николаевича является перемещение на исконное место и реставрация другой орловской часовни — Вознесения. Для этого ему необходимо оформить участок земли, а за оформление бумаг нужно внести 800 рублей. В связи с этим он обратился к членам общины с предложением внести вступительный взнос (10 человек, каждый по 100 руб.) «Вроде бы согласились, — рассказывает он, — а потом по деревне слух пошел, что я вымогатель, и я от этой идеи отказался. Пытаюсь своими силами всё решить».

Юрий Николаевич поддерживает связи с благочинным о. Владимиром, тот присылает ему газеты, журналы, которые Юрий Николаевич разносит по домам членам общины и тем, кто проявля-

ет интерес к церковной тематике. Он усиленно ищет благотворителей в Каргополе, в Архангельске, обращается в различные благотворительные фонды, к местным предпринимателям, поддерживает связи с соседними православными общинами. Какую-то помощь ему оказывают члены соседней Лекшмозерской общины. Юрий Николаевич — личность широко мыслящая, его интересует все — от проекта въездной вывески в деревню и настоящей косой деревенской изгороди вдоль проезжей части («не то что две металлические палки, написано «Орлово», а такой интересный — из дерева, у меня уже есть, было сделано для образца на конкурсе резчиков по дереву») до эскизов старинных кованых петель для часовенных дверей и уже обещанной ему кем-то системы охраны часовни. В числе его задумок — православная изба для приезжих, церковный дом с библиотекой и пр. «Любая работа, — считает он, — начинается, вы сами понимаете, с подготовительного <этапа>, если у тебя все хорошо подготовлено, тогда и... А если когда начнешь делать, а у тебя ни того, ни сего, — из крайности в крайность бросаться...»

* * *

Исследованные формы православной жизни, существовавшие ранее и существующие ныне вокруг часовен, свидетельствуют об их важной роли в деревенской жизни. Функциональное разнообразие часовенных традиций, во многом уже возобновленное, а порой и превзойденное (по сравнению с дореволюционным), сегодня, при нехватке в провинции церквей и священников, приближает часовни к храмам. Но особенности часовенных приходов сохраняются: не универсальный, монистический характер (преимущественное обращение к тому святому, которому посвящена часовня), территориальная приближенность к деревне, расширенный состав читаемых мирянами молитвословий, связь с заветами (обетами) и поминаниями родителей, связь праздников с традициями гостевания, важное значение часовен в передаче веры и традиции. И хотя, возрождая православие, северная деревня преодолевает ныне огромные трудности, православная жизнь существует вокруг почти всех сохранившихся и восстановленных часовен. Поистине вера и желание окружить себя святынями в русском человеке неистребимы.

